

ГЛАВА

ДРЕВНЯЯ НАУКА • ВИДИМАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ НЕЗРИМОГО • ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОККУЛЬТНОЙ НАУКИ

Сегодня мы, пожалуй, слишком склонны путать Науку с науками: первая столь же неизменна в своих принципах, как последние повинуются капризам людей; то, что считалось научным фактом столетие назад, например в физике, сегодня практически отступило в область мифологии⁶, потому что в области знаний о некоторых предметах, повторюсь, мнения знатоков меняются чрезвычайно быстро.

Всем известно, что именно эти некоторые предметы составили предмет исследования современных ученых, и они достигли в этом таких успехов, что теперь мы можем использовать передовые достижения множества научных направлений в применении к Науке. Проблема, однако, возникает при попытке интеграции этих знаний, действительно превращающей Науку в абсолютное синтетическое выражение вечной Истины.

Идея синтеза, которая охватывает, наряду с несколькими неизменными законами, огромное количество конкретных знаний, накопленных за прошедшие два столетия, как видно, способствует тому, что исследователи нашей эпохи так далеко заглядывают в будущее, что все, на что они могут надеяться, — это что их потомки однажды узрят явление этого синтеза над горизонтом человеческого знания.

Было бы слишком дерзко утверждать, что таковой синтез существовал и раньше и законы его столь истинны, что могут быть в точ-

ности применены для теоретического описания современных открытий, и что египетские посвященные, современники Моисея и Орфея, обладали такими знаниями во всей полноте.

Говорить о том, что Наука была и в древности, — значит быть обвиненными серьезными умами в софистике или наивности, однако я попытаюсь доказать свою парадоксальную претензию и попрошу моих оппонентов предоставить мне еще немного внимания.

Прежде всего, спросят меня, где мы можем обнаружить следы существования так называемой древней науки? Какое знание ее составляет? Какие практические открытия она породила? Как узнать, что это тот знаменитый синтез, о котором речь?

В целом вовсе не недостаток материалов мешает нам восстановить эту древнюю науку: множество старинных памятников, символов, иероглифов, бесчисленные ритуалы посвящения и рукописи — все это готово прийти на помощь нам в наших исследованиях.

Однако некоторые из этих источников невозможно расшифровать без ключа, который лишь немногие люди пытаются найти, а древность прочих (ритуалов и рукописей) весьма далека от признания современными учеными, которые полагают их как максимум современными Александрийской школе.

Таким образом, мы должны отыскать более убедительные аргументы в свою пользу, и их можно обнаружить в трудах авторов, живших намного раньше формирования Александрийской школы, до Пифагора, Платона, Аристотеля, Плиния, Ливия и так далее, и так далее — и на этот раз никто не сможет усомниться в древности этих текстов.

Составлять былую науку по фрагментам текстов старинных авторов — определенно нелегкая задача, и мы многим обязаны тем, кто взял на себя этот колоссальный труд и сумел его завершить. Среди самых достойных стоит отметить Дютана⁷, Фабра д'Оливе⁸ и Сент-Ива д'Альвейдра⁹.

Давайте откроем книгу Дютана — и узнаем об изобретениях, рожденных древней наукой; давайте почитаем Фабра д'Оливе и Сент-Ива д'Альвейдра — и проникнем в храмы, откуда сияет нам свет той цивилизации, чьи достижения поразят так называемых цивилизованных современных людей.

В данной главе я могу лишь вкратце изложить то, о чем пишут эти авторы, и именно к ним следует обращаться за подтверждением моих заявлений, поскольку в их трудах содержатся все необходимые доказательства.

В части астрономии древние уже знали о том, что Земля движется вокруг Солнца¹⁰, им были известны теория множественности миров¹¹, закон гравитации¹², влияние Луны на морские приливы¹³, структура Млечного Пути и прежде всего тот закон, который был заново открыт Ньютоном. В отношении последнего не могу отказать себе в удовольствии процитировать два очень многозначительных отрывка из книги Дютана. Первый, касающийся всемирного тяготения, отсылает к Плутарху, другой же, о законе квадратов, — к Пифагору:

«Плутарх, которому были известны практически все блистательные истины астрономии, также уже предполагал существование силы взаимного тяготения, которая побуждает планеты притягиваться друг к другу: "...и в попытке объяснить причину притяжения земных тел к Земле, он ищет его источник во взаимном притяжении между всеми телами, которое и побуждает все земные тела тянуться к Земле точно так же, как Солнце и Луна побуждают все тела, находящиеся с ними рядом, притягиваться к ним, и посредством силы этого притяжения удерживать их на определенном расстоянии”.

Далее он проецирует эти конкретные явления на другие, более общие, и на основании того, что можно наблюдать на земном шаре, делает вывод по тому же принципу обо всем, что должно происходить с небесными телами по отдельности, а также об отношениях, в которых они должны находиться друг с другом.

В другом разделе своего труда он снова говорит об имманентной силе, присущей телам, то есть Земле и другим планетам, вынуждающей подчиненные им тела притягиваться к ним¹⁴.

«Одна музыкальная струна, сказал Пифагор, производит тот же звук, что и другая, которая в два раза длиннее, когда напряжение или сила, с которой натянута вторая, в четыре раза больше первой; и сила притяжения одной планеты, находящейся вдвое дальше от другой, в четыре раза больше, чем у первой. Вообще, чтобы музыкальная струна звучала в унисон с более короткой струной

того же вида, ее напряжение должно быть увеличено пропорционально квадрату ее длины, а чтобы сила притяжения планеты стала равна силе притяжения другой планеты, которая находится ближе к Солнцу, ее сила гравитации должна быть увеличена пропорционально квадрату ее расстояния от Солнца. Таким образом, если мы представим музыкальные струны, протянутые от Солнца к каждой планете, то, чтобы эти струны звучали в унисон, нужно усиливать или ослаблять их напряжение в той же пропорции, что необходима для уравнивания гравитационных сил планет»¹⁵.

Из сходства описанных отношений Пифагор вывел свое учение о гармонии сфер.

Это теоретические открытия, которые разум гения в состоянии совершить самостоятельно, но можем ли мы доказать, что древние делали и экспериментальные открытия, составляющие славу науки XIX века и доказывающие величие прогресса, ведущего нас вперед?

Если речь об астрономии, можно обратиться к Аристотелю, Архимеду, Овидию и практически всем трудам Страбона, которых цитирует Дютан¹⁶, чтобы обнаружить в них и телескоп, и вогнутые зеркала¹⁷, и увеличительные стекла, используемые в качестве микроскопа¹⁸, а также преломление света, изохронность колебаний маятника¹⁹ и так далее.

Без сомнения, вы будете удивлены, обнаружив, что инструменты, которые принято считать такими современными, были известны уже древним, но все же позвольте мне утверждать эту возможность.

Я еще не коснулся самых важных вопросов.

Можем ли мы обнаружить в древних науках пар, электричество, фотографию и всю нашу химию?

Агафий жил в VI веке нашей эры. В то время он написал книгу, которая была перепечатана в 1660 году²⁰. На страницах 150 и 151 этой книги содержится полное описание того, как Анфимий из Тралл²¹ использовал пар как движущую силу для сноса целой крыши. Там все описано: как расположен резервуар с водой, как блокировать выходы, чтобы обеспечить высокое давление пара, как контролировать огонь и так далее, и так далее.

Сент-Ив д'Альвейдр цитирует этот же факт в своем труде²², демонстрируя то, что наука существовала задолго до того момента.

«Наши электрики имели бы очень жалкий вид, если бы им пришлось наблюдать, как египетские жрецы и посвященные в их науку (греки и римляне) используют молнию, как мы тепловую энергию, вызывая ее удары по своей воле. И вот Сент-Ив демонстрирует вам, как это делается, раскрывая тайну, составлявшую основу одной из самых мистических храмовых практик.

Из *Церковной истории* Созомена²³ (книга IX, глава VI) мы узнаем, как этрусские жрецы успешно защищали город Нарния от Алариха с помощью ударов молнии»²⁴.

Ливий²⁵ и Плиний²⁶ описывают нам смерть Туллия Гостилия²⁷, который, пожелав пробудить электрические силы согласно манускрипту Нумы, умер от удара молнии, будучи недостаточно подготовленным к опыту.

Нам известно, что большинство таинств египетских жрецов служили лишь прикрытием для наук и что посвящение в эти таинства означало обучение наукам, которые они развивали. Это именно они дали Юпитеру имя Элисиус, то есть Юпитер электрический, считая его персонификацией молнии, в виде которой он позволяет себе притягиваться к Земле согласно определенным мистическим формулам и практикам. Таким образом, имя Юпитер Элисиус означает не что иное, как то, что Юпитер можно притягивать, привлекать к Земле, — само слово *Elicius* происходит от *elicere*²⁸, согласно Овидию и Варро²⁹.

*Elicunt coelo te, Jupiter; unde minores
Nunc quoque te celebrant, Eliciumque vocant*³⁰.

Достаточно ли все очевидно?

В главе 4 книги «Миссия евреев» сказано даже больше:

В рукописи монаха из Афона по имени Панселин разъяснено, со ссылками на древних ионийских авторов, применение химии в фотографии. Этот факт был обнародован в связи с открытиями Ньепса и Дагера³¹. Темная комната, оптические приборы, повышение светочувствительности металлических пластин — все это там досконально описано.

Что касается химии в древние времена, у меня есть веские основания полагать, на основании моих познаний в алхимии, что эта наука существенно превосходила современную химию как теоретически, так и практически. Однако следует приводить в качестве аргументов факты, а не мнения, поэтому обратимся снова к Дютану³²:

«Древние египтяне знали, как обрабатывать металлы, наносить позолоту, красить шелк в различные цвета, варить стекло, использовать подогрев для ускорения выведения птиц из яиц, выделять целебные масла из растений и готовить опиум, варить пиво, делать сахар из тростника, который они называли тростниковым медом, изготавливать множество мазей; они умели проводить дистилляцию, и им были известны алкалоиды и кислоты».

А вот что говорит Сент-Ив, подтверждая сказанное Дютаном:

«У Плутарха (*Жизнь Александра*, гл. XXXIX), у Геродота, у Сенеки (*Естественнонаучные вопросы*, кн. III, гл. XXV), у Квинта Курция (кн. X, последняя глава), у Плиния (*Естественная история*, кн. XXX, гл. XVI), у Павсания (*Аркадия*, гл. XXV) мы обнаруживаем наши кислоты, наши основания, наши соли, спирт, эфир — проще говоря, очевидные свидетельства знаний органической и неорганической химии, которые авторы не раскрывали или не считали нужным это делать».

Однако остается еще один вопрос, а именно касающийся пушек и пороха.

«Порфирий, говоря в своей книге о трактате “Управление Империей”, описывает артиллерию Константина Багрянородного.

Валериан в своей “Жизни Александра” описывает бронзовые пушки индийцев.

У Ктесия³³ мы вновь обнаруживаем знаменитый греческий огонь: смесь селитры, серы и углеводорода, применявшуюся в

Халдее задолго до Нина, а также в Иране, которую индийцы называли огонь Бхаравы. Это имя, отсылающее к жрецу красной расы, первому законодателю черного населения Индии, само по себе указывает на глубокую древность.

Геродот, Юстин, Павсаний рассказывают о разрушениях, причиняемых огненным дождем из камней и снарядов персидских и кельтских завоевателей Дельф.

Сервий, Валерий Флакк, Юлий Африкан, Марк Грек также описывают использование пороха древними народами — а последний из перечисленных авторов даже сообщает пропорции пороховой смеси, которые применяются и сегодня»³⁴.

Что касается других отраслей знаний, то множество так называемых открытий в современной медицине, в том числе о кровообращении, в антропологии и общей биологии среди прочих также были прекрасно известны в древности³⁵, в особенности Гиппократу.

Эти заявления можно с натяжкой принять, скажете вы, — коль скоро для каждого современного открытия можно найти того, кто процитирует какого-нибудь древнего автора, говорящего примерно о том же самом; но было ли древним известно нечто, что неизвестно нам сегодня, — какой-нибудь физический или химический феномен, который невозможно воспроизвести в современности?

В качестве ответа я мог бы также привести множество цитат, но, чтобы не слишком вас утомить, назову лишь Демокрита³⁶ и его утраченные открытия; среди прочих это изготовление искусственных драгоценных камней, открытие египтянами производства стекла, способы консервации мумий и создания нетленных картин посредством замачивания холста, покрытого несколькими лаками, в одном растворе, после чего изображение на нем становится разноцветным, не говоря уже об открытиях римских архитекторов.

Почему обо всем этом так мало известно?

Возможно, в силу привычки авторов трудов по классической истории копировать тексты друг друга, не слишком уделяя внимание книгам, прямо не относящимся к вопросу, их интересующему; возможно, также ввиду привычки публики верить только тому, что написано в журналах, лишь повторяющих сказанное в энциклопедиях, составленных бог знает как; возможно... но зачем тратить время на поиск причин, выяснение которых нам никак не поможет? Таковы факты, и этого

достаточно. Древняя наука доказала свое существование уже не раз, и можно либо верить в нее, либо упорно отрицать ее свидетельства.

Теперь нам нужно выяснить, как древние получили свои научные знания, да еще такого уровня, и здесь нам снова поможет «*Миссия евреев*» (см. с. 79):

«Начальное обучение и образование, согласно традициям воспитания детей, обеспечивала семья.

Эти традиции были религиозного свойства и следовали древнему культу предков и определенным правилам воспитания обоих полов, а также подразумевали освоение детьми многих других наук, которые нет необходимости здесь упоминать.

Профессиональное образование осуществлялось теми, кого древние итальянцы называли *генс*, а китайцы — *цзинь*, проще говоря, родовой общиной, в древнем и очень малоизвестном значении этого выражения.

Более полное образование, аналогичное нашему среднему, получали взрослые посредством участия в храмовых практиках, называемых Малыми мистериями.

Тот, кто приобретал, порой в течение долгих лет, достаточно знаний о природе и человеке в ходе Малых мистерий, получал статус Сына Женщины, Героя, Сына Мужчины и принимал определенную значимую социальную роль, например знахаря во всех сферах, посредника, приближенного к правителям, главного судьи и так далее, и так далее...

Знания, передававшиеся в ходе Великих мистерий, охватывали всю иерархию наук и искусств, и обладающий ими посвященный получал статус Сына богов или Сына бога, в зависимости от того, одному богу был посвящен храм или нескольким, а кроме того, снова принимал определенную значимую социальную роль, жреца или правителя».

Таким образом, именно в храмах сохранялись и передавались научные знания, чье существование мы пытаемся доказать изначально и теперь подходим к нашей цели все ближе — к тем тайнствам, о которых так много говорят, но так мало известно.

Прежде всего, чтобы стать посвященным, должен ли был человек принадлежать к определенному классу? Была ли часть населения вынуждена прозябать в невежестве, эксплуатируемая кастой избранных?

Ничего подобного: любой человек любого сословия мог заявить о своем желании пройти посвящение — и поскольку не всех вас убедит это мое утверждение, предлагаю обратиться к труду Сент-Ива за общей информацией, я же процитирую очень сведущего в этих вопросах автора, Фабра д'Оливе, дабы пролить свет на этот конкретный вопрос:

«Древние религии, прежде всего египетская, были полны таинств, сотканных из множества образов и символов, подобно узорам на ткани — и каким прекрасным! Священный труд непрерывной череды божественных человеческих существ, которые, читая книгу Природы и книгу Божественного главу за главой, переводили их с языка неизъяснимого на человеческий. Те же, чей неискушенный взгляд падал на эти образы, эти символы, эти священные аллегории, не видели в них ничего — и действительно гнивали в своем невежестве, но это невежество было добровольным. Однако как только человек решал подняться выше этого уровня, ему было достаточно лишь сказать об этом — все святилища были открыты, и если желающему доставало упорства и добродетельности, ничто не могло остановить его восхождения по ступеням познания, от понимания к пониманию, от откровения к откровению, вплоть до самых возвышенных озарений. Человек мог, оставаясь смертным, при жизни спускаться к мертвым и подниматься к богам, постигая элементарную природу, поскольку религия допускала все это, а жрецам было известно все, что касается религии. Чтобы получить статус, знаменующий высший уровень познания священного учения, например в знаменитых египетских Фивах, человек должен был пройти все предшествующие этапы обучения, освоив все знания, полагающиеся на каждом, и продемонстрировать, что он достоин перехода на высший уровень...

Египтяне не старались сделать свои таинства легкодоступными, потому что это были важные знания; они не оскверняли Божественное знание профанацией, ибо оно действительно было, и чтобы сохранить эти истины для многих, они не раздавали их понапрасну всем»³⁷.

Так когда же эти таинства появились на свет?

Каково было их происхождение?

Мы находим их в основе всех великих древних цивилизаций, независимо от расы. История одних только египетских мистерий, посвящение в которые подарило нам величайших еврейских, греческих и римских деятелей, насчитывает не менее десяти тысяч лет, что демонстрирует ошибочность классических хронологий.

Вот доказательства этого утверждения.

«Вы спросите, насколько стар Египет?

Платон, посвященный в его мистерии, тщетно сообщает нам, что еще за десять тысяч лет до Менеса³⁸ была развитая цивилизация, доказательства существования которой он видел своими глазами.

Геродот напрасно убеждает нас в том же, добавляя по поводу Осириса (бога древнего Синтеза и древнего Вселенского Союза), что обет обрекает его на молчание, и ему было бы страшно сказать хоть слово.

Диодор безуспешно свидетельствует о том, что ему сообщили египетские жрецы – что у них есть доказательства, что задолго до Менеса в течение десяти тысяч лет было развитое государство, вплоть до воцарения Гора.

Манефон³⁹, египетский жрец, столь же тщетно составляет подробную хронологию царствования правителей, начиная с Менеса, охватывающую шесть тысяч восемьсот восемь лет от сего года;

Он бесполезно сообщает нам, что до воцарения этого египетского правителя было еще много цивилизаций, масштабные жизненные циклы которых сменяли друг друга на Земле и, в частности, в Египте.

Все эти впечатляющие свидетельства, к которым мы можем добавить слова Беросса⁴⁰, а также все сведения, что хранят библиотеки Индии, Тибета и Китая, бесполезны и неприемлемы для прискорбного мракобесия и нетерпимости к другим конфессиям, скрывающимся за маской теологии»⁴¹.

Достигнув данного этапа нашего исследования, давайте еще раз охватим взглядом те утверждения, что были сделаны, и посмотрим, к каким выводам они дают возможность прийти.

Сначала мы заявили существование в древности науки столь же могущественной в своем применении, как и наша, и показали, что невежество современных людей в отношении этой науки происходит от той небрежности, с которой они изучали древних.

Затем мы увидели, что эта наука преподавалась в храмах, центрах высшего образования и цивилизации.

И наконец, мы узнали, что никому не было отказа в посвящении в эту науку, истоки которой затерялись во тьме первобытных времен.

В начале любого обучения человек должен был пройти три испытания: физическое, нравственное и интеллектуальное. Ямвлих, Порфирий и Апулей из числа древних, а также Лемуар⁴², Кристиан⁴³ и Делааж⁴⁴ среди современных авторов подробно описывают эти испытания, и мне кажется, что говорить о них здесь более пространно нет нужды. Главный вывод, который можно сделать из всего вышесказанного, — до всякой науки была эта тайная наука.

Даже поверхностное знакомство с научными трудами, оставленными нам древними, позволяет заметить, что, несмотря на сходные результаты, которые они получали благодаря своим знаниям, их наука все же отличалась от нашей в теории и методологии.

Чтобы узнать, что именно преподавалось в храмах, мы должны искать то, что осталось нам от этих учений в доступных материалах, которые были в большинстве своем сохранены алхимиками. Нас не беспокоит известная сомнительность происхождения этих материалов (с точки зрения современных ученых) — они есть, и этого достаточно. Если мы сможем расшифровать символический язык алхимиков и древних символических мифов о золотом руне, Троянской войне и Сфинксе, применив один и тот же метод, то можно будет с уверенностью утверждать, что у нас в руках находится часть древней науки.

Давайте взглянем на то, как современные ученые подходят к изучению природных явлений, чтобы на контрасте лучше понять метод, используемый древними.

Что можно сказать о человеке, который описывает книгу следующим образом:

«Книга, которую вы предоставили мне для изучения, лежит на камине в двух метрах сорока девяти сантиметрах от того места, где я стою, она весит пятьсот сорок пять граммов восемьсот

миллиграммов и состоит из трехсот сорока двух небольших листов бумаги, на которых напечатано двести восемнадцать тысяч сто восемьдесят знаков, для чего потребовалось сто девяносто граммов черной краски».

Вот это экспериментальное описание явления.

Если этот пример вас изумляет, откройте любую книгу о современной науке и убедитесь, что в ней представлен ровно тот же метод, например для описания Солнца или Сатурна, — астроном четко обозначает расположение, вес, объем и плотность небесных тел, а физик, описывая спектр солнечного излучения, подсчитывает количество лучей!

А ведь то, что на самом деле интересует нас в книге — это не ее материальный, физический аспект, а то, что автор хотел выразить с помощью этих самых печатных знаков, то, что скрывается за их формами, то есть, так сказать, метафизический аспект.

Этот пример вполне исчерпывающе демонстрирует разницу между древними методами и современными. Первые в применении к изучению явления всегда подразумевают целостное его рассмотрение, последние же *априори* ограничены физическим аспектом.

Чтобы пояснить суть древнего метода, я процитирую следующий очень значительный отрывок из труда Фабра д'Оливе о двух способах, которыми пишется история⁴⁵.

«Поскольку необходимо хорошо понимать, что аллегорическая история прежних времен, написанная в ином духе, нежели позитивная история, ей воследовавшая, никоим образом ее не напоминает — и именно потому, что мы смешали их друг с другом, мы совершили такие серьезные ошибки. Это очень важное наблюдение, которое я еще раз повторю здесь. Прежняя история, вверенная коллективной памяти человечества либо сохраненная в жреческих архивах храмов в виде пространных поэтических трудов, рассматривала все на свете с нравственной точки зрения, никогда не уделяя особого внимания отдельным личностям, но наблюдая за массовыми событиями — то есть жизнью народов, объединений, религиозных и философских течений, а также событиями в области искусств и наук, обобщая множество отдельных людей родовыми наименованиями.

Это, определенно, имело место не потому, что у народных масс не было вождей, которые управляли их движениями, но эти вожди рассматривались лишь как орудие некоего духа и потому были куда менее значимы для науки, которую интересовал только дух. Один вождь сменял другого, и в аллегорической истории этот факт мог быть даже не отражен. Опыт всего народа был как бы сосредоточен в лице одного человека, который являл собой образец нравов эпохи — его деяния изучались, его рождение, расцвет и упадок описывались. Значение имела последовательная смена таких нравственных образцов, а не людей. Позитивная история, которую мы имеем сегодня, следует совершенно иному принципу: ее интересуют только личности — она отмечает даты, факты, которыми прежняя история пренебрегала, с предельной точностью. Современные историки подняли бы на смех аллегорический метод древних, если бы вообще считали его возможным к применению, — равно как, я убежден, и древние бы посмеялись над нашим современным методом, если бы могли предвидеть возможность его появления в будущем. Да и как можно одобрить то, чего не знаешь? Мы одобряем только то, что нам нравится, и мы всегда считаем, что знаем все, признавая лишь то, что нам нравится»⁴⁶.

Давайте теперь вернемся к той печатной книге, которая послужила примером для нашего первого сравнения, отметив теперь, что есть два способа ее рассмотрения.

Посредством восприятия видимого — печатных знаков, бумаги, чернил, то есть всех тех материальных ее свойств, которые служат лишь воплощением чего-то высшего, того, что физически воспринять невозможно: идеи автора.

То, что мы видим, выражает то, чего мы не видим.

Видимое является воплощением невидимого. Этот принцип справедлив как для данного явления в частности, так и для всех остальных явлений природы, как будет видно дальше.

Теперь мы еще яснее видим фундаментальную разницу между наукой древних и наукой современности.

Первую видимое интересуется только как возможность познать невидимое, которое оно воплощает.

Последняя же сосредоточена на самих видимых явлениях, метафизический аспект которых ее не занимает.

Наука древних — это наука скрытого, эзотерическое знание.

Давайте примем во внимание намеренность завуалированных формулировок, за которыми древние скрывали символику своей науки, и мы сможем установить приемлемое определение для науки древности, а именно:

Скрытая наука — *Scientia occulta*.

Наука скрытого — *Scientia occultati*.

Наука, которая скрывает то, что открыла, — *Scientia occultans*.

Таково тройное определение *оккультной науки*.